
СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ

Л.П. Буева

МЕХАНИЗМ ИДЕНТИФИКАЦИИ В КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Одно из глубинных потребностей человека, отмеченное Фроммом, — это стремление к уподоблению, поиск объекта поклонения. Индивид, заброшенный в мир таинственных вещей и явлений, просто не в состоянии самостоятельно осознать назначение и смысл окружающего бытия. Он нуждается в системе ориентации, которая дала бы ему возможность отождествлять себя с неким признанным образцом.

Ключевые слова: психология, защитный механизм, феномен, идентификация, человек, стадия, кризис, манипуляция, жизненный цикл, социализация.

*Но лютее нет зверья,
чем субъект по кличке «Я».
(Глеб Горбовский)*

Идентификация как психологический феномен

Идентификация (от ср.-лат. *identificare* — отождествлять, устанавливая совпадение) — защитный психологический механизм, позволяющий уподоблять себя другому образу. Идентификация реализуется на основе эмоциональной привязанности к другому лицу. Он проявляется в желании человека походить на то, кто кажется ему идеалом, кого он любит и боготворит. Уникальные свойства и качества другого человека, его облик, выражение лица, походка, повадки, стиль поведения и образ жизни становятся объектом подражания. Мальчик, который стремится быть похожим на отца. Тот берет сына на фабрику, она проходят через заводскую арку. Будучи высоким, отец вынужден склонить голову. Сын повторяет его жест, хотя он еще совсем маленький и арка для него высока.

В классическом психоанализе идентификация рассматривается как выражение эмоциональной близости и связи с отцом, матерью или другими членами семьи. Ребенок хочет быть похожим на родителей. Он идеализирует маму и папу, он хочет быть похожим на них. Именно благодаря этому механизму разворачивается социализация, а также происходит формирование собственного Я по лекалам другого человека. Психиче-

ская энергия «лепит» определенный образ. У каждого из нас есть представление об идеальном человеке. Оно рождается в результате эмоциональной привязанности к другому лицу. Рождается желание походить на избранника, возвеличивать его.

Впервые такого рода механизмы рассмотрены в психологической концепции Фрейда, возникшей на основе патопсихологического наблюдения, а затем они были распространены на нормальную духовную жизнь. Фрейд рассматривал идентификацию как попытку ребенка (или слабого человека) перенять силу отца, матери (или лидера) и таким образом уменьшить чувство страха перед реальностью.

Современные исследования позволяют значительно расширить представление об этом механизме. Мир человеческих переживаний чрезвычайно сложен. В основе таких эмоциональных состояний, как любовь, нежность, сострадание, сочувствие, ответственность, лежит нечто такое, что неизменно предполагает взгляд не только на самого себя, но и на других. Ведь эти чувства по самому своему проявлению открыты, направлены на иной объект. Следовательно, глубинная потребность человека состоит в том, чтобы постоянно видеть перед собой какие-то персонифицированные образцы.

Разумеется, человек, прежде всего, ищет их в ближайшем окружении. Но оно так знакомо и подчас однообразно. Иное дело — экран. Здесь творится необычный, иногда эксцентричный образ, в котором зримо воплощаются мои собственные представления о

*Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №11-03-00599а
«Проблема идентичности в современной культуре»*

естественности, нежности, глубине чувств. Вот, например, образ купринской колдуньи, созданный Мариной Влади (1955). Скуластая, с прозрачными глазами, она пронзила сердца миллионов людей. Образ так убедительно символизировал возвращение к естественности: вот она, босоногая, с распущенными по плечам белесыми прядями, настоящее дитя природы...

Человек стремится понять самого себя. Все эти попытки найти в себе специфически человеческое свойство или дать автохарактеристику отражают в конечном счете действие механизма идентификации. Но это чувство весьма редкий феномен. Оно — удел избранных... Пожалуй, лишь чисто теоретически можно представить себе такую личность, которая проникла в ядро собственной субъективности, постигла себя, создала внутренне устойчивый образ своей индивидуальности.

Гораздо чаще человек — существо мятущееся, постоянно меняющее собственные представления о самом себе. Он живет в мире напряженных и противоречивых мотивов, стремлений и ожиданий. Ему постоянно нужна опора, необходимо соотносить свое поведение с персонифицированным образцом. Девочки играют в «дочки-матери». Это постоянно воспроизводимый, непреходящий ритуал игры. Идеал многих юношей персонифицировался в Джоне Ленноне. Пусть зыбкая, но мода. Партийный работник стремится уподобиться вышестоящему... Кавалькады рокеров... Неформалы со своей эмблематикой... Люди пытаются выразить себя опосредованно, через систему сложившихся ритуалов, стереотипов, готовых образов.

П.С. Гуревич в книге «Приключения имиджа» приводит интересные примеры механизмы идентичности. На заре отечественного радиовещания пришла кому-то в голову мысль: а что если организовать в эфире уроки утренней гимнастики. Стал диктор призывать граждан начинать утро с бодрых телодвижений. Никто почему-то не торопился внять призывам диктора. Тогда решили поручить утренний комплекс самому популярному комментатору. Однако популярность гимнастики оставалась нулевой... Обратились к Николаю Гордееву. Из эфира полился звонкий, жизнерадостный голос. Встрепенулся народ, прислушался. Что такое? В воображении слушателей рождался прельстительный образ. Вот он — подтянутый, энергичный человек, убежденный в том, что жизнь прекрасна, когда утро начинается с гимнастики.

Николай Гордеев — кудесник, герой своего времени... Однако он никогда не занимался спортом. Любимым его занятием было возлежание на диване и отвлеченное размышление о жизни. Что делать, у

каждого свои склонности. Фигуру тоже имел далеко не спортивную. А юных радиослушательниц чаровал воображаемым стройным станом, готовностью встретить утро прохладой, а рабочий день — героическими свершениями. Такой уже в эфире складывался образ...

Однажды в программе «Пионерская зорька» прозвучала фраза про эвенкийских мальчиков. Она мгновенно соткала в сознании ребят какой-то экзотический образ. Казалось бы, что тут феноменального? В стране есть и другие дети — буряты, казахи, удмурты. Но про этих, как оказалось, пока нам неинтересно. А вот эвенкийский мальчик — это вообще нечто удивительное. Со всех концов страны пошли на радио письма. Ребята писали эвенкийскому мальчику. Редакция целый год поддерживала переписку. Сколько новых тем появилось! А ведь об этом никто и не помышлял!

Прототип и его образ

Почему образ не похож на свой прототип? Как происходит процесс отчуждения сущности от явленного на экране? Отчего конкретный человек на экране вызывает массовое возбуждение, а другой — совсем даже нет? В 1943 г., например, американская радиозвезда Кэт Смит обратилась к слушателям с призывом приобретать военные облигации и добилась невероятного успеха. Миллионы женщин мгновенно отождествили себя с образом, который диктовался звучащим из приемников голосом и который одновременно вырастал из внутреннего мира каждой радиослушательницы.

Богатую актрису, не имеющую семьи, сочли за скромную и бережливую хозяйку, за мать, встревоженную опасностью, которая угрожает ее детям. Так что же, создатели передачи сознательно стремились к такой мистификации? Ничего подобного. Она возникла стихийно, в результате коллективного заблуждения слушателей. Случай с Кэт Смит, с ее радиомарафоном может до конца объяснить лишь реальная ситуация, сложившаяся в Америке в канун военного кризиса, когда миллионы смятенных людей искали спасения в символах семьи, дома, прочного домашнего быта.

Откуда в человеке влечение к персонифицированным идеям, сообщению, образу? Да ведь он сам по себе, вне других, имеет весьма смутное представление о том, что он такое. Павел смотрит на Петра как в зеркало. Это мысль Маркса. Вне общества себе подобных человек и не подозревает, что красив, умен, талантлив.

¹ См.: Гуревич П.С. Приключения имиджа. М., 1991.

Обо всем этом он узнает через других, поскольку рядом живут некрасивые, неумные, неталантливые. Отталкиваясь от них, он создает образ самого себя. И других тоже.

Психика человека постоянно порождает процесс очеловечивания. На земле, в небесах и на море она усматривает присутствие человека. Э. Фромм, обративший внимание на мультипликационную серию о Микки Маусе, пытался, как и Адорно, разобраться в популярности образа мышонка. Американский исследователь сформулировал собственную концепцию телевизионного зрелища, пытаясь осознать его эффекты, раскрыть причины воздействия на психику. Так же, как и Адорно, Фромм применил к анализу телевизионной продукции социально-психологическую методику.

Идентификация — сложный механизм. В нем проступает двойственность чувств. Мальчик, к примеру, любит своего отца, хочет во всем походить на него, но в глубинах его психики гнездится и враждебность к родителю. Ведь мальчик нежно относится к матери и хотел бы устранить соперника... Однако не следует думать, будто отождествлять себя можно лишь с любимым человеком. Скажем, девочка абсолютно поглощена своим отцом, но она понимает, к слову, что отец любит мать, и поэтому старается походить на нее. Девочка может, скажем, даже придумать себе какой-нибудь недостаток, станет прихрамывать или кашлять. А смысл? В том, чтобы привлечь внимание отца.

Идентификация тесно связана с феноменом персонификации. Так называется процесс осмысления своего «Я» в процессе социализации, поиска образца.

В пору стремительного развития телевидения американские зрители полюбили цикл мультипликационных фильмов, главным героем которых был Микки Маус. В начале этой фантастической истории серому мышонку все время не везло. Всюду его подстерегали невероятные опасности. Но однажды, совершенно случайно, Микки отведал некоего снадобья, придающего тому, кто его съест, необыкновенную силу. С тех пор все изменилось. Обретя могущество, он стал верным защитником всех гонимых и обездоленных. Разглядев с небесной высоты какое-нибудь бедствие, Микки, словно метеор, обрушивался на злодеев и спасал жертв в самых, казалось бы, безнадежных ситуациях.

Разумеется, в этой серии обыгрывался нехитрый набор одинаковых ситуаций: лукавые коты, кровожадные волки получали по заслугам всякий раз, как только намеревались обидеть мышат или овец. В каждой программе действие достигало остроты за счет одного и того же приема — злоумышленники были предельно близки к цели, но вездесущий Маус... Однако, несмо-

тря на стереотипность образов и сюжетов, зрители не могли оторваться от зрелища.

Почему зрители с такой инфантильностью (детской непосредственностью) погружаются в фантастическое зрелище? Отчего они столь доверчивы, так безмерно сочувствуют любимым персонажам? Чем объяснить, что картины справедливой мести, заслуженного воздаяния доставляют аудитории острое чувство возбуждения и радости? Что, вообще говоря, заставляет зрителей переживать за гонимых и злорадно торжествовать победу над наказанным притеснителем? За исследование сюжета известного мультсериала взялся психоаналитик Эрих Фромм².

Конечно, популярность серии мультфильмов, противоречивость восприятия зрелища (причудливое сплетение сочувствия и ненависти зрителей), потребность в постоянном продолжении цикла можно было бы объяснить и так: рядовой индивид, сталкиваясь с суровой действительностью и переживая психологическое напряжение, ищет в массовой культуре иллюзорное воплощение своих побуждений. Ощущая себя песчинкой, человек стремится раствориться в образе Микки, почувствовать себя, хотя бы в воображении, всесильным и удачливым. Вместе с тем он жаждет реванша, то есть расправы над теми, кому завидует, кого считает «счастливчиком». Таким образом, человек избавляется от болезненных напряжений либо путем фиктивного воплощения своих влечений (грез), либо путем агрессивного акта (фанатизм).

Однако в таком истолковании массовой культуры немало неувязок уже хотя бы потому, что весь анализ, по сути дела, сводится здесь к регистрации различных проявлений эскапизма (бегства от жизни). Однообразное указание исследователя на то, что в культурной жизни можно обнаружить галлюцинаторные эффекты и сцены злодейства, не позволяет раскрыть содержание зрелища более конкретно, детализированно. Тогда Фромм делает следующий шаг. Он обращает внимание на всевозможные персонификации, порожденные психологическими механизмами, в частности, потребностью индивида в идентификации. Речь идет о том, что человек воспринимает мир как поток первоначальных образов, постоянно соотносит себя с другими людьми, с их индивидуальными свойствами, обликом, характером. Индивид, собственно, и формируется, отождествляя себя с конкретным образом, персонажем, реальным или вымышленным.

Психоаналитики давно натолкнулись на это явление. Они подчеркивали, что поведение человека в

² См.: Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для самого себя. М.: Изид, 2004.

значительной степени обусловлено тем, как он оценивает свои социальные роли. Оказалось, что многие представители средних слоев населения склонны в собственной оценке причислять себя к более состоятельным людям и соответственно следовать другим стандартам мыслей и поступков. Иначе говоря, выяснилось, что поведение человека регулируется не только присущими ему социальными ролями, но и тем он сам «определяет» себя. Например, тщетно искать в поступках скромной консьержки черты того образа жизни, который присущ людям ее профессии, если она сама мысленно отождествляет себя (идентифицирует) себя с кем-то, кому присущи неожиданные мотивы, необычные ценностные ориентации.

Манипулятивная пропаганда буквально одержима манией персонификации. Она предлагает аудитории многочисленные варианты, позволяющие отождествить себя с образами удачликов, суперменов, аутсайдеров, мстителей. В 1977 г. на экране американского телевидения появилась эффектная блондинка, причесанная по последней моде и осыпанная с головы до ног золотыми блестками. «Меня зовут Мамми Лиз». Телевизионная красавица призвала всех, кто смотрит в эту минуту передачу, покупать «люкс-автомобиль новой фирмы «Твэнтис сенчури мотор каркомпани». В эфир был брошен клич: «Спешите, а то вас опередят! Чем скорее вы вложите деньги в это надежное дело, тем лучше!... За несколько месяцев фирма получила тысячу заявок с необходимым авансом. Но вскоре грянул скандал. Оказалось, что такой фирмы в природе не существует, ее «изобрел» мошенник-рецидивист, загримированный под блондинку на экране.

В данном случае интерес представляет не факт дутой рекламы, а конкретный, «удачно угаданный» облик персонификации. Преступник убедил аудиторию в реальном наличии суперавтомобиля не просто потому, что зрители вообще склонны обольщаться блондинками. В качестве рекламы он выбрал определенный образ — эффектный стереотип «блондинки», образы «размытой привлекательности», в котором можно увидеть и секретаршу, и представительницу фирмы, и спутницу жизни одновременно (заметим — а не образ мужчины, делового человека).

Механизм персонификации действует изощренно. Он опирается не только на психологические закономерности, но и на определенные социокультурные черты. Европейские телезрители, например, привыкли к мультипликационному персонажу Дональду Даку. Но вот телевизионную серию об утенке показали в одной африканской стране. И произошло непредвиденное: зрители стали бросать в экран различные предметы, выражать свое возмущение. Аудитория не приняла

персонификацию, обнаружив в ней нечто несуразное и даже оскорбительное.

Зрители могут поверить в реальность вымышленного персонажа, если он не разрушает эффекта персонификации. Именно поэтому такой популярностью во всем мире пользуются телевизионные персонажи. Зрители привыкают к ним и воспринимают их как конкретных людей. Американский президент Дж. Кеннеди видел в механизме персонификации весьма эффективный способ идеологического влияния на массы. Как умный и расчетливый политик, он первым стал рекламировать Я. Флеминга, заявив, что это его любимый писатель. В результате главный герой произведения Я. Флеминга Джеймс Бонд превратился в модного персонажа, призванного вывести обывателя их состояния апатии и безверия.

В процессе социализации человек соотносит себя не только с конкретными ролями, но и с особого рода персонифицированными представлениями, которые созвучны его собственным личностным ориентациям. Это могут быть, например, литературные герои, реальные исторические личности, «условные» социально-психологические или культурно-исторические типажи («романтик», «деловой человек», «сильная личность» и т.д.). Подобные идеальные образные конструкции, развертывание которых связано с интенсивной работой воображения, имеют для индивида ярко выраженную ценностную значимость.

У любого человека может происходить срыв духовной автоинтерпретации и замещение ее новой, фиктивной. Индивид, грубо говоря, перестает понимать, кто он такой и пытается выйти из тупика с помощью полуфантастической ориентации на образ, пришедший с экрана. Подросток, подражающий Штирлицу, студентка, неожиданно воплотившаяся в вамп-красавицу, бомж, вообразивший себя светским щеголем... Готовые стандарты нередко удовлетворяют психологические запросы людей.

Жизненный цикл

По мнению Э. Эриксона, одной из основных координат идентичности является жизненный цикл. Он исходил из предположения, что не только до подросткового возраста индивид развивает предпосылки своего психологического роста, умственного созревания и социальной ответственности. Американский психолог вводит понятие «кризис идентичности». Каждый человек идет своим путем развития, переживает свои кризисы и находит их разрешение.

Любая стадия становится кризисом, поскольку начинающийся рост и осознание нового связаны с

переменами в энергии инстинктов. Слово «кризис» Э. Эриксон употребляет так, чтобы выделить не угрозу катастрофы, а момент изменений, критический период повышенной уязвимости³.

Наиболее радикальные изменения, начиная от глубин внутренней жизни и кончая внешними ее проявлениями, происходят в самом начале жизни. Что можно считать наиболее ранним и наиболее недифференцированным «чувством идентичности»? Эриксон считает, что оно порождается встречей матери и младенца, дающей взаимное доверие и взаимное узнавание. Это во всей своей детской простоте и является первым опытом того, что впоследствии вновь проявится в любви, в способности восхищаться и что может быть названо чувством «благословенного присутствия», потребность в котором на протяжении всей жизни остается основой для человека.

Отсутствие этого чувства или его ослабленность может опасно ограничить способность переживания «идентичности», когда в подростковом возрасте человек может оставить детство и встретить взрослость и вместе с ней начать лично выбирать свои любовные привязанности. Каждая следующая стадия и каждый следующий кризис имеют определенную связь с одним из базисных стремлений человека по той простой причине, что жизненный цикл человека и социальные институты развиваются одновременно. Между ними, как считает Эриксон, двойная связь: каждое новое поколение привносит в институты пережитки инфантильных потребностей и юношеского пыла и берет от них специфическое подкрепление своей детской витальности.

Американский психолог считал, что кризисы идентичности можно изучать по художественным творениям и оригинальным деяниям великих людей, которые смогли решить его для себя. Вездесущий хаос человеческого существования демонстрирует уникальные для данного периода решения. Но прежде чем погрузиться в клинические и биологические проблемы того, что в психологии чрезвычайных ситуаций называется спутанностью идентичности, нужно внести ясность в понятие «кризис идентичности».

В человеческой сущности есть многое, кроме идентичности, в каждом индивидуе есть его «Я», есть центр сознания и воли, который должен трансцендировать и пережить психологическую идентичность.

Эриксон вводит еще одно значимое понятие — «психологический мораторий», под которым подразумевается отсрочка, предоставленная кому-либо, кто не готов принять ответственность или хотел бы

дать себе время на подготовку к зрелой жизни. Под психосоциальным мораторием Эриксон понимает запаздывание в принятии на себя взрослых обязанностей. Каждое общество и каждая культура устанавливает определенный мораторий для своих молодых граждан. Для большинства из них эти моратории совпадают с периодом учения и тех достижений данного периода этапа жизни, которые соответствуют ценностям общества.

Мораторий может стать периодом краж и видений, временем путешествий или работы, временем потерянной «юности» или академической жизни, временем самопожертвования или веселых шуток. Большую часть юношеской преступности Эриксон рассматривает как попытку создания психосоциального моратория. Но мораторий не требует того, чтобы быть пережитым сознательно. С другой стороны, молодой человек может ощущать себя вполне состоявшимся и только со временем узнать, что то, к чему он относился так серьезно, было всего лишь переходным периодом. Многие «выздоровевшие» деликвенты, возможно, чувствуют полное отчуждение от «глупости», через которую они когда-то прошли. Между тем ясно, что любые экспериментирования с идентичностью означает также игру с внутренним огнем эмоций и побуждений и содержат в себе риск попасть в социальную яму, из которой нет выхода. Бывает и так, что мораторий отсутствует: индивид слишком рано определился или его достижениям способствовали какие-то обстоятельства.

Эриксон проводит различие между понятиями «идентичность» и «идентификация». Лингвистически, как и психологически, идентичность и идентификация имеют общий корень. Идентификация — это психологический механизм, а идентичность — результат процесса уподобления. Американский психолог показывает, что ограниченность механизма идентификации становится очевидной сразу же, как только мы предполагаем, что никакие детские идентификации, поставленные в ряд, не могут вылиться в нормально функционирующую личность. Психология полагает, что задачей психотерапии является замещение болезненных и чрезмерных идентификаций другими более желательными. Но как и любое лекарство, «более желательные» идентификации должны быть полностью подчинены новому единому гештальту, который есть нечто большее, нежели просто сумма его частей.

Дело в том, что идентификация как механизм имеет определенные ограничения. На разных стадиях развития дети идентифицируют себя с теми аспектами окружающих людей, которые производят на них наибольшее впечатление, в реальности или в воображении — не имеет большого значения. Их идентификация

³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 105.

с родителями, например, сосредоточена на определенных переоцениваемых и болезненно воспринимаемых частях тела, способностях и внешних атрибутах роли. Более того, эти аспекты привлекательны не столько своей социальной значимостью, сколько тем, что отвечает природе детской фантазии, и этим открывают путь к более реалистическому самоутверждению.

В более старшем возрасте ребенок сталкивается с понятной ему иерархией ролей, от младших сиблингов до прародителей и всех, кто, так или иначе принадлежит к семье в целом. На протяжении детства это составляет круг его представлений о том, кем он может стать, когда вырастет, и уже очень маленькие дети способны к идентификации с целым рядом людей и отношений, которые затем требуют «верификации» в дальнейшей жизни. Вот почему культурные и исторические перемены могут оказать такое травмирующее влияние на формирование идентичности: они могут разрушить внутреннюю иерархию ожиданий ребенка.

В свою очередь судьба детских идентификаций зависит от того, насколько удовлетворительным является взаимодействие с заслуживающими доверия представителями значимой для ребенка иерархии ролей, принадлежащих членам семьи разных поколений. Формирование идентичности, наконец, начинается там, где идентификация становится непригодной. Она вырастает из избирательного отказа от одних и взаимной ассимиляции других детских идентификаций и их объединения в новую конфигурацию, которая в свою очередь определяется процессом, процессом которого общество (часто через субкультуры) идентифицирует юного индивида с тем, кем он, само собой разумеется, должен стать. Общество, зачастую не без исходного недоверия, делает это с оттенком удивления и удовольствия от знакомства с новым индивидом. Общество в свою очередь тоже «признается» индивидом, ищущим у него признания. Иногда же оно, по некоторым признакам, может глубоко и с оттенком мстительности отвергаться индивидом, не ищущим его покровительства.

Общественные способы идентификации индивида впоследствии более или менее успешно стыкуются с индивидуальными способами идентификации. Если общество сочтет, что молодой человек вызывает неудовольствие и дискомфорт, оно может предложить ему способы изменения, не затрагивающие его «идентификации с собой». Желаемое, с точки зрения общества, изменение представляет собой простое проявление доброй воли или силы воли (он мог бы, если бы захотел), тогда как сопротивление такому изменению воспринимается как проявление злой воли и ли даже

неполноценности, плохой наследственности или чего-то подобного. Так, общество часто недооценивает, до какой степени долгая сложная история детства ограничивает возможности молодого человека в отношении изменения идентичности, а также то, до какой степени само общество может, если только оно может, все же помочь ему определиться среди возможных выборов.

На протяжении всего детства происходит пробная кристаллизация идентичности, которая заставляет индивида чувствовать и верить (начиная с наиболее осознаваемых аспектов) в то, что, если он приблизительно знает, кто он такой, ему необходимо лишь понять, что эта уверенность в себе вновь может стать жертвой разрыва саморазвития. Примером может служить разрыв между требованиями, предъявляемыми конкретным окружением «маленькому мальчику», и ими же, предъявленными «большому мальчику», который в свою очередь может удивиться, почему сначала его заставили поверить, что быть маленьким прекрасно, только для того, чтобы потом заставить изменить этот не требующий усилий статус на специфические обязанности «большого».

Такой разрыв может в любое время привести к кризису, которые могут быть компенсированы только последовательным нарастанием чувства реальности достижений. Остроумный, или жестокий, или хороший маленький мальчик, который становится привлекательным, или вежливым, или твердым, выносливым большим мальчиком, должен быть способен — и ему должна быть дана такая возможность — соединить оба ряда ценностей в ту идентичность, которая позволяет ему в работе и игре, в официальном и интимном поведении (и позволять другим быть) комбинацией большого и маленького мальчика.

Общество поддерживает это развитие в том смысле, что дает ребенку возможность на каждой стадии ориентироваться в направлении полного «жизненного цикла» с его иерархией ролей, представляемых индивидами различных возрастов. Семья, соседи и школа обеспечивают контакты и пробную идентификацию с младшими и старшими детьми, с молодыми и старыми взрослыми. У ребенка в результате множества успешных пробных идентификаций начинают складываться ожидания по поводу того, что значит быть старше и что означает быть моложе, ожидания, которые становятся частью идентичности по мере того, как они, шаг за шагом, проверяются психосоциальным опытом.

Установившая к концу отрочества идентичность включает в себя все значимые идентификации, но в то же время и изменяет их с целью создания единого и причинно связанного целого.

«Атомная болезнь»

Невидимые последствия радиации способны оказывать совершенно особое действие на переживших катастрофу. Они создают образ оружия не только колоссальной разрушительной силы, но и способного невидимо сохранять эту силу, чтобы затем поразить эту жертву в любой момент и даже проявить себя в следующем поколении. Этот страх невидимого заражения возрос с появлением у подвергшихся облучению лейкемии (особенно в 1950-1952 гг.), что прямо связывается с атомной радиацией, хотя общее число заболеваний было невелико (по данным Р. Лифтона — около 200 случаев).

Позднее последовали сообщения об общем увеличении числа раковых заболеваний, сходных с теми, которые могут быть вызваны последствиями радиации, хотя предполагаемый латентный период здесь оказывается слишком велик. Каждый случай подобного рода (равно как и сообщения о новых испытаниях атомного оружия) вел к обострению внутреннего чувства «затронутости смертью», невидимого заражения, возрождал ослабевшие процессы идентификации с мертвыми и другие явления, связанные с непосредственным переживанием катастрофы.

Это состояние породило среди выживших широкий спектр психических и физических симптомов, известных под научно неточным, но наделенным большим эмоциональным воздействием термином «атомная болезнь» (яп. «генбакушо»).

По-видимому, большая роль принадлежит здесь потребности в образовании явных симптомов, как средству оформления и физической локализации невидимого поражения организма; однако сами симптомы способны усиливать это чувство, вовлекая больного в порочный круг. В целом между телесными симптомами и психическим состоянием больного устанавливается очень прочная «психосоматическая связка».

Любые случайные заболевания или недомогания воспринимаются как выражение «невидимого поражения смертью». Фактически врачи в Хиросиме поставлены перед явлением, понимание которого выходит за пределы их знаний и прежнего опыта. Никто на деле не может сказать, где кончается воздействие атомной радиации и начинается действие особых психических факторов или же вообще заболевание, с ними не связанное.

При этом в большинстве случаев дело не доходит до образования четких симптомов. Чаще всего «хибакуся» жалуются на общую усталость, быструю утомляемость, бессонницу, хроническую анемию, легкую подверженность простуде, боли в разных участках тела

и многое другое. Врачи в Хиросиме ввели также термин «атомный невроз» для лиц, одержимых своими телесными недугами, особенно проверкой состава крови, что принимало характер настоящей фобии и превращало их в инвалидов в результате действия механизма идентификации (в данном случае отождествления себя с жертвами атомной бомбы).

Помимо этого отмечалось, что распространение среди «хибакуся» заболевания печени, кровеносной и лимфатической систем, желудочно-кишечного тракта нередко приобретают необычное течение, дают особо резко выраженную симптоматику и в целом хуже поддаются лечению.

Со всеми этими трудностями врачи сталкиваются в тот момент, когда начинают совершаться глубокие изменения в общих основах медицины и понимания самой природы болезни. Эта новая теория медицины, разработка которой ведется психосоматиками Америки и Западной Европы, исходит из «унитарной» концепции болезни, как единого процесса, протекающего одновременно на многих уровнях.

Она отвергает традиционное понимание болезни как некоего «дискретного тела», пребывающего в организме больного и обладающего как бы собственным статусом существования, жертвой которого становится больной. С этой точки зрения, для понимания «атомной болезни» во всем ее многообразии следует исходить из оценки воздействий атомного взрыва на всех уровнях человеческого опыта — генетического, биологического, психологического и межличностного или социального. По существу это есть выражение декомпенсации, нарушение в гармонии индивидуального существования на всех его уровнях, включая сюда изменения в общих представлениях о мире и всю психоисторическую атмосферу эпохи.

Символическое перерождение и распад идентичности

Под так называемой формулировкой имеются в виду процессы, направленные на установление новых форм связи между «Я» и миром взамен утраченных, новую организацию психического опыта (Термин «формулировка» взят из работы Сусанны Лангер «Философия в новом ключе»⁴, где он относится, однако, вообще к построению внутренней системы символов, через которую осмысливается мир (что восходит в свою очередь к «Философии символических форм»

⁴ Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. М.: Республика, 2000. 287 с.

Э. Кассирера⁵), через который переживший должен преодолеть свою идентичность с жертвой или испытать «символическое перерождение»).

При всем многообразии форм этот процесс направлен на достижение трех целей: чувства органической связности с другими людьми и с миром в целом; достижение целостности своего Я и обретение смысла существования; достижение чувства подвижности в пространстве (снятием внутреннего оцепенения или стасиса) и движением во времени (через преодоление фиксации на «неизгладимом образе», возникающем в момент катастрофы).

Речь идет не о какой-либо сознательно выработанной идеологии или «атомной философии». Большая роль принадлежит здесь бессознательной сфере, однако, способность к открытому и связному выражению своей «формулировки» есть признак успешного завершения процесса. В целом женщины менее мужчин расположены к связному формулированию, однако здесь мы имеем дело скорее с «имплицитной формулировкой», чем с ее отсутствием, имея в виду обязательство женщин по поддержанию органической жизни и отсюда склонность к «органическому типу знания» (Под органическим знанием понимается такое знание, которое сочетается с тесным опытом. Так, полным знанием действия атомной бомбы могут обладать только «хибакуся» — то есть жертвы атомного взрыва, оставшиеся в живых). Это прекрасно показано в книге американского психолога Р. Лифтона «Пережившие Хиросиму»⁶.

Каждый выживший обладает, каким-то видом «формулировки», сколько бы она ни была неполной или имплицитной. В целом процесс осмысливания пережитого опыта начинается уже с момента катастрофы. Не иметь никакой «формулировки» в момент встречи со смертью психологически непереносимо. Можно привести свидетельства лиц, переживших нацистский террор, которые свидетельствуют, что худшим для всего для них была беспричинность убийств и отсутствие в них какого бы то ни было смысла.

Во всех типах формулировок необходимо присутствуют «психологическое непротивление», с одной стороны, и осознание своей особой миссии — с другой. Эти активное и пассивное начала различимы во всех формах борьбы за выживание. «Непротивление» (яп. «акираме») никоим образом не сводится к простой пассивности. Оно основывается на чувстве своей

включенности в особый, сверхчеловеческий порядок вещей, что само способно внести известную гармонию в отношении с миром (хотя бы путем признания «своей судьбы»). Японское «акираме», производное от «акираму» - просветлять, включает момент просветления через связь со сверхчеловеческими силами. Огромное значение психологического непротивления в том, что сама неспособность к четкой формулировке пережитого опыта здесь становится частью самой формулировки (сопровождаемая «защитным смещением эмоций») и обеспечивает выход за пределы прежней ситуации (столь же смутным часто оказывается и осознанием своей миссии).

Непротивление тесно связано с японским буддизмом, даже если оно и выражалось в светских формах. Религиозные формулировки в целом получили в Хиросиме преобладающее значение. В большинстве своем они давали известное облегчение, но почти всегда оно было неполным. Лишь отчасти это объяснимо ограниченным влиянием религии в современной Японии. Сам распад религиозной веры в момент катастрофы может нести какие-то защитные функции, ибо предотвращает появление интенсивного чувства вины.

В целом способность к сохранению религиозной установки оказалась сильнее у буддистов, чем у конко (распространенной в Хиросиме секты, соединившей элементы синтоизма, буддизма и христианства). Что касается христиан, то вся протестантская община в Хиросиме погибла, за исключением своего пастыря. По дошедшим до автора сведениям, католическая община Нагасаки (основанная еще в XVI в. Ксаверием) после 1945 г. распалась. Связь религиозной формулировки с комплексом вины и процессом оплакивания демонстрируются в показаниях одного буддиста, который сообщил, что среди катастрофы он около недели читал буддистские сутры, надеясь, что его усилия принесут какую-то помощь погибшим («я пытался несколько успокоить их души»). Он же включил в буддистский круг воздаяния президента Трумена в качестве «хладнокровного животного».

Христианство также обладает своей версией «акираме». Она присутствует в католической концепции провидения и подчинения воле божьей. Однако сознание того, что атомная бомба была делом человеческих рук, затрудняет принятие такой позиции. Единственный встреченный автором пример полностью удавшейся религиозной формулировки дала одна пожилая кореянка, обращенная американской миссией фундаменталистов. Несмотря на потерю пятерых из своих шестерых детей и тяжелые шрамы от ожогов, она сохраняла большую жизненность, в том смысле, и чувство движения во времени.

⁵ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М.-СПб: Университетская книга, 2010.

⁶ Lifton R. Death in life. Survivore of Hiroshima. New York, 1967. 594 p.

Этот пример интересен, поскольку он позволяет почувствовать ту мощь, какой обладало некогда христианство как средства преодоления даже самых крайних форм страха и чувства вины («Я сказала, что не могу предстать перед Богом из-за моей вины, потому что я убила своих детей. Я не давала им достаточно еды в самые тяжелые дни, Но мне ответили, что Бог принес в жертву своего единственного сына ради всех виновных людей и что Иисусом Христом искупается любой грех»).

Ее формулировка включала в себя и человеческое происхождение атомной бомбы, что явилось именем камнем преткновения для протестантского пастора («Хиросима была обращена в пепел людьми... Но хотя люди и говорят, что они могут делать то или это, если на то не будет божьей воли, мир никогда не наступит.

Какие бы мы не построили большие дома, когда упадет бомба, все обратится в прах. Когда я прочла об этом в Ветхом Завете (т.е. историю Содома и Гоморры), то поняла, что все в мире всегда шло таким путем. Поэтому каждый должен искать свою веру».

При неспособности достичь равновесия между непротивлением и чувством собственной миссии (или отсутствии того и другого) обычно возникает нигилистическая формулировка или, вернее, позиция, поскольку никакого преодоления при этом не достигается и уцелевший останется во власти смерти и разрушения. Пожелание другим испытать то, что перенес он сам, — явление скорее обычное, но в полном своем виде и в Хиросиме оно сводится к пожеланию «последнего воздаяния», того, чтобы атомная бомба поразила весь мир и все могли бы разделить их страдания.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Приключения имиджа. М., 1991.
2. Гуревич П.С. Психология рекламы: историко-аналитическое и философское содержание: учебное пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2009.
3. Спирова Э.М. Постмодернистская трактовка идентичности // Психология и психотехника. 2011. № 6(33). С. 72-79.
4. Эриксон Э. Детство и общество. СПб, 2000.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.
6. Lifton R. Death in life. Survivore of Hiroshima. New York, 1967. 594 p.

References (transliteration):

1. Gurevich P.S. Priklyucheniya imidzha. M., 1991.
2. Gurevich P.S. Psikhologiya reklamy: istoriko-analiticheskoe i filosofskoe sodержanie: uchebnoe posobie. Rostov n/D: Feniks, 2009.
3. Spirova E.M. Postmodernistskaya traktovka identichnosti // Psikhologiya i psikhotehnika. 2011. № 6(33). S. 72-79.
4. Erikson E. Detstvo i obshchestvo. SPb, 2000.
5. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis. M., 1996.
6. Lifton R. Death in life. Survivore of Hiroshima. New York, 1967. 594 p.